

В октябре 1605 года Димитрий Самозванец вошел в пределы Московского Государства, именно в Северскую область, приближаясь к Курскому краю. В это время в Курске и других местностях было очень много волнений среди народа. В среде служилого сословия, дворян и детей боярских, как стоявших во главе местного общества возникли серьезные вопросы, которые приходилось решить немедленно. Во главе их стоял вопрос об отношении своем к лицу, которое назвало себя сыном Иоанна Грозного и приобрело доверие во многих слоях Московского Государства, начиная от самых высших. В Путивльской и Рыльской области появились воззвания Самозванца с разными заманчивыми обещаниями и уверениями в том, что он истинный Царь Дмитрий Иоаннович и идет занять свой родительский престол. В Курском крае нашлось много увлекшихся новым событием: крестьян, так называемых гулящих людей, Черкас, казаков и вообще представителей низших классов населения. Они не колеблясь решили примкнуть к Димитрию, по первому призыву. Точно также Донские и иные казаки, как бывшие в это время в Белгородско-Курской области, так и находившиеся в своих станицах, вскоре оказали Димитрию Самозванцу сильную поддержку, явившись к нему в критическую минуту с отрядом в 4000 человек отборного войска. Как низшие классы смотрели на движение Димитрия к завоеванию Русского Царства, видно из того, что в Путивле, Рыльске и в особенности в Курске никто из народа не боялся похода войск Самозванца и предстоявшей осады городов. Это ясно выражалось тем, что в Курске осадные дворы, находившиеся в крепости, совершенно пустовали, никто и не думал спастись в них, как это бывало прежде, когда разносилась весть о том, что Литва идет или Татары. Тогда места не хватало в осадных дворах. В конце же 1604 и начале 1605 года посадские и вообще жилецкие люди, а тем более простой народ беспечно проживали в посадах, слободах и селениях.

Обратимся теперь к военному служилому классу населения – дворян и детей боярских. Они в наступившее Смутное время, руководимые своими начальствующими лицами, старшими дворянами, ревностно исполняли свои обязанности, стояли на башнях и заставах городов, держали караулы, разъезды, готовились в своих полках к военнoбoевоmу походному времени, приводили в порядок свое оружие и другие припасы, «седлали», как тогда говорилось и «кормили коней». Но неся, как прилично было настоящим воинам, службу, несомненно служилые люди дворяне и дети боярские и их руководители крепко задумывались о том, как им поступить и что делать? Решение этого вопроса для военнo-служилого сословия было тем более затруднительно, что оно не могло воспользоваться ни чьим примером. Нельзя было ждать, как поступят другие города. Разрубить Гордиев узел и в значительной степени содействовать начатому Димитрием перевороту или затушить его, выпало на долю именно Черниговско-Курского военнo-служилого сословия с тою только разницей, что Черниговцы в данном отношении могли не особенно значительно повлиять на ход дела, хотя и подали

повод к началу первого успеха Дмитрия. Жители Моравска сдались Самозванцу, также поступили и жители Чернигова, конечно, в согласии с тамошним военно-служилым сословием. Воевода был связан и лишен свободы. Новгород-Северский сопротивлялся Царевичу. В это время Дмитрий все свое внимание обратил на Путивль, как город прекрасно укрепленный, бывший ключом к овладению Курским краем, как известно охранявшим Москву. В начале Путивль энергично отразил нападение войск Дмитрия Самозванца, но затем в городском населении явились колебания, и возникло разногласие как в среде начальствующих лиц, так и в среде военно-служилых людей. 18-го ноября 1604 года Дмитрий опять подступил к Путивлю. Воевода Михаил Салтыков распорядился об отражении войск Дмитрия, оставаясь верным Борису Годунову. Воеводское приказание было немедленно исполнено, и поляки с казаками, составлявшие отряды Дмитриевых полков, *были встречены огненным боем*. Но в это время путивльский осадный голова князь Рубец Масальский внезапно обезоружил и связал воеводу Михаила Салтыкова и отворил ворота для Дмитрия Самозванца. Конечно, Масальский не позволил бы себе сделать этого крайнего шага, если бы он не опирался на городских ратных людей. Для ясности дела скажем о том, что ратные люди разделялись на *полковых*, которые должны были биться со врагами, выступив из города и действуя в поле, и на городских или осадных, которые имели своею обязанностью защищать город в его стенах. Вот эти-то последние военные люди, предводимые своим осадным головою, стали за Дмитрия.

Путивль был сдан ему, при чем Путивляне склонились на убеждения Масальского и присягнули Самозванцу. Примеру Путивля, как известно, последовали: Рыльск, Оскол и другие города Московской окраины. Если увеличение войска Дмитрия зависело от присоединений к нему казаков, Черкас и «гулящих людей», то очевидно переход городов нашего края зависел от военно-служилого сословия. Причина этого отношения к Самозванцу со стороны объясняется легко. Очевидно, это сословие признало в Дмитрии истинного сына Иоанна Грозного. Могло ли оно противиться ему? «Сам Дмитрий, – говорит С.М. Соловьев, – поступил в Курском крае так, что народ видел усердие его к вере православной, он велел принести из Курска в Путивль Чудотворную Икону Знамения пресвятой Богородицы, встретил ее с честью, поставил ее в своих палатах и каждый день молился перед нею. Образ Знамения сопровождал его в Москву, где этот образ был поставлен во дворце.

С другой стороны, не надо упускать из виду, что уже впоследствии Дмитрия считали человеком, так сказать, злонамеренным, захватившим путем обмана и насилия Русский престол. Но в 1604-1605 году могли ли так уверенно думать Русские? Не любя Бориса Годунова, они скорее всего искренно могли считать Дмитрия истинным, спасенным от руки убийц Царевичем, законно восходящим на престол

своего родителя. Высшие сановники, воеводы, например, Салтыков и Шереметев говорили: – трудно сражаться с прирожденным Государем.

Воеводы Бориса Годунова начали было осаду Рыльска, но потом отступили от города. После смерти Бориса Русское войско перешло на сторону Димитрия, о чем его известил прибывший в Путивль, где находился Самозванец, князь Голицын. Тогда он отправился к войску из Путивля, где нашел надежное убежище во время затруднительного своего положения.

В свое кратковременное царствование Димитрий Самозванец не успел издать каких-либо законов, которые бы касались прав и обязанностей Дворянства. Впрочем, при нем состоялись два приговора бояр о крестьянах, имевшие отношение и к жизни дворянского сословия. В первом приговоре было сказано: «Если *дети боярские*, приказные люди, гости и торговые всякие люди станут брать на людей кабалы, а в кабалах напишут, что занял у него да у его сына деньги и кабалу им на себя дал, то этих кабал отцу с сыном писать, а в книги записывать не велеть, а велеть писать кабалы порознь, отцу особая кабала, и сыну особая. Если же отец с сыном или брат с братом станут по служилым кабалам холопства искать, то этим истцам отказывать, а тех людей, на кого они кабалу положат, освободить на волю».

Другой боярский приговор касается беглых крестьян. «Если помещики будут бить челом на крестьян, сбежавших с их земли за год до бывшего голода, то беглецов сыскивать и отдавать старым помещикам. Если крестьяне бежали к другим помещикам и вотчинникам в голодные годы, но с имуществом, которым им прокормиться можно, то их также сыскивать и отдавать старым помещикам и вотчинникам. Если крестьяне бежали далеко из подмосковных городов *на украины* и пошли от старых помещиков с имуществом, но растеряли его дорогою и пришли к другим помещикам в бедности, про таких велено было спросить окольных людей старого поместья, и если они скажут, что крестьянин был прежде не беден и сбежал с имуществом, достаточным для прокормления, то беглеца отдать прежнему помещику. Если же окольные люди скажут, что крестьянин бежал в голодные года от бедности, крестьянину жить за тем помещиком, кто кормил его в голодные года, а истцу отказать: «не умел он своего крестьянина кормить в те голодные года, и теперь его не ищи». Если крестьяне в голодные года пришли в холопы к своим или чужим помещикам и вотчинникам и дали на себя служилые кабалы, а потом старые помещики станут их требовать в крестьяне, то опять же приговор боярский постановил разобрать – вследствие бедности сделали это крестьяне или нет и сообразно с этим разрешать дело всякий раз. Если крестьяне пошли до голода, то обращаются снова в крестьянство, на беглых крестьян дале пяти лет суда не давать.

Этот боярский приговор, как следовало и ожидать, имел большое значение для Дворянства Курского края. Дело в том, что во время страшного голода в центре России в царствование Бориса Годунова масса крестьян бежала в наш край, где были урожаи и где вообще поместья нуждались в рабочих людях. Не смотря на уничтожение Юрьева дня, полного прикрепления крестьян к земле еще не было, многие подмосковные помещики, в виду голодного времени, сами рады были уменьшению числа людей, которых следовало прокармливать. В свою очередь многие помещики Курского края в данное время приютили у себя крестьян, покинувших северные области с тем расчетом, что с увеличением числа крестьян в их поместьях, несомненно должна увеличиться и доходность их имений – вотчин и поместий. Из архивных источников¹¹⁰ мы видим, что в первое десятилетие XVII века значительное количество поместий Белгородско-Курского края приобрело себе крестьянское население в большей или меньшей степени. Вследствие приговора бояр, по указу Царя Димитрия, крестьян, перешедших из подмосковных поместий и вотчин вследствие голода в наш край, нельзя было возвращать прежним владельцам. А это обстоятельство имело громадное значение для курских помещиков, так как большинство поселившихся на их землях крестьян осталось на них на более или менее продолжительное время, а то и навсегда.

Василий Шуйский, как известно, царствовал недолго, с 19-го мая 1606 года по 17 июля 1610 г. Дворяне городов не участвовали в качестве представителей в избрании Василия Шуйского, не было их и от городов Белгородско-Курского края. Вступив на престол, Шуйский прежде всего озаботился о расширении прав бояр. В Курске, Белгороде, Рыльске и Путивле в мае 1606 года были получены грамоты нового Царя, в которых было сказано: «Мне, Великому Государю, всякого человека, не осудя истинным судом с бояры своими, смерти не предати и вотчин и дворов и животов (имущества) и братьи их и у жен и у детей не отымати, будет которые с ними в мысли не были. То же и с торговыми людьми».

В царствование Василия Шуйского один из главных предводителей восстания, начатого против Шуйского, Болотников разослал послания к низшему слою населения с воззванием об участии в этом восстании во имя Лжедмитрия II, так называемого Тушинского вора. Предводитель восстания князь Шаховской и его единомышленник Болотников были разбиты князем Михаилом Васильевичем Скопиным-Шуйским, Болотникова и Лжепетра казнили, а Шаховской был сослан. Между тем смуты продолжались, так в 1606 году в Белгороде был бунт низших слоев населения против Шуйского, а когда воевода князь Буйносов начал усмирять этот бунт, то был убит. Когда в 1608 году Самозванец Лжедмитрий II вошел в Московские пределы, то из Русских сначала служили ему казанки и люди из самых низших слоев населения, но затем ему стали передаваться лица других сословий, стольники, стряпчие, жильцы, дьяки и подьячие. Под знамена Тушинского вора становились

люди недовольные и в Тушине образовался особый двор, противоположный двору Московскому.

При всеобщей неурядице воеводы при содействии военно-служилого сословия старались поддерживать гражданский порядок, насколько, разумеется, это было достижимо и возможно. Обращаясь к дворянам и детям боярским городов Курского края, мы замечаем в данное время, что военно-служилое сословие этих городов выносило на своих плечах тяжелое бремя самозащиты и защиты важнейших основ правильной государственной общественной жизни и культуры, которым со всех сторон грозило разрушение и уничтожение со стороны противогосударственных и противообщественных элементов. Кроме того, военно-служилому сословию нашего края по-прежнему приходилось защищаться от набегов Татар, которые в это время в особенности нападали на города Белгородско-Курского края. В 1611 году Татары проникли даже в Курский уезд, грабили его и разорили Коренную пустынь. Но вообще в Смутное время южный рубеж Московского Государства был плохо обеспечен в политическом отношении, когда в самом центре Государства находились неприятели со своими враждебными силами. Путивльский рубеж стал местом, откуда двигались на Москву разные противогосударственные элементы. И это должно было отражаться на характере местного населения – способствовало развитию беспокойного духа у местных севрюков. В пределы Московского Государства вторгалось множество казачьих отрядов и шаек, которые помогали самозванцам и соединялись в казаками, служившими в городах Курского края и вообще в украинских городах, и с польскими жолнерами.

Что касается движения законодательства по отношению к дворянскому сословию, то в царствование Царя Василия Шуйского последовал указ о пожаловании за Московское осадное сиденье и за неотъезд к Тушинскому вору дворянам и детям боярским и другим ратным людям в вотчину из поместья со ста четей по двадцати четей. В актах рода Кикиных мы встречаем ссылку на указ Шуйского, в которой было сказано: «во прежнем указу как в прошлом 118 (1610) году на Москве при Царе Василье даваны вотчины дворяном и детем боярским за Московское осадное сиденье», и «с его Иванова (Кикина) окладу с 750 чети со ста по 20-ти, итого 150 чети из старого его поместья в вотчину». Для дворян и детей боярских Белгородско-Курского края этот указ имел весьма важное значение, так как некоторые из них, в это время служили в Государевых войсках и получили жалованные грамоты на вотчины в награду за осадное сиденье в Москве и неотъезд к Тушинскому вору. Так: Богдан Осипович Виденьев получил от Государя Михаила Федоровича в 1625 году грамоту¹¹¹, которою он был жалован вотчиною, что была дана ему Царем Василием Ивановичем Шуйским «за многие его службы и осадное Московское сиденье против Польских и Литовских людей и русских воров».

Предок Курских дворян Голофеевых Никита Жданов сын Голофеев и сын его Иван Никитич за службы их и за Московское сидение по жалованной грамоте Царя Василия Шуйского были пожалованы из их поместья в вотчину «с людьми и со крестьяны» потомственно. Предок Тимских помещиков Лутовиновых Алексей Иванович Лутовинов «за Московское осадное сидение при Царе Василии Шуйском» получил в вотчину во Мценском уезде пашню и сенокос. Предок Белгородских дворян Гриневых Сергей Гринев «за Московское осадное сидение при царе Василии Иоанновиче Шуйском» был пожалован по Царской грамоте с поместного его оклада с 670 четвертей, со 100 по 20, итого 130 четвертей, в вотчину. Предок Суджанских помещиков Алтуховых Матвей Савинович Алтухов был пожалован в 1608 году «за его службу и мужественное осадное Московское стояние при Царе Василии Иоанновиче Шуйском, когда Поляки и Литовские люди покушались разорить Московское Государство и поправить Христианскую веру, вотчиною с его поместного оклада 110 четвертей в поле, а в дву потомуж» в Болховском уезде. Курский помещик Карп Григорьевич Потулов «за его многие службы и за Московское осадное сиденье был пожалован с поместного его оклада с 500 четвертей, со 100 по 20, итого 100 четвертей – деревнею Баранковою в вотчину». Предок Старооскольских дворян Алисовых Петр Васильевич Алисов за его службы, оказанные во время войны с польскими и литовскими людьми из его поместного оклада, что ему был дан при Царе Василии Шуйском в 300 четвертей. Во Мценском уезде, был пожалован из поместья в вотчину и др.

Закон, изданный в царствование Шуйского в марте 1607 года, подтвердил прикрепление крестьян к земле и постановил, что принимающий чужих крестьян платит 10 рублей пени с каждого человека, а господам по 3 рубля за каждое лето. Кто женится на беглой женщине, отдается со всем имуществом и детьми господину ее. Если помещик держит холопку до 17 лет в девицах, вдову не женит после мужа больше двух лет, парня холостого за 20 лет, таким давать отпускные в Москве казначею, а в других городах наместникам и судьям.

В Белгородско-Курском крае было много мужчин и, сравнительно, мало женщин, так как он являлся военным краем, где даже административное управление было полковым. Здесь была масса военных людей – казаков, драгун, рейтаров, копейщиков и проч., здесь были беглые всякого рода и бежавшие из мест своего жительства по разнообразным причинам. Они то нередко похищали разными способами девиц и женщин и потом женились на них. В делах Белгородского стола мы часто встречаем указания на то, что крестьянки не только девицы и вдовы, но и замужние по подговору, большею частью, военных людей низшего звания, спешили оставить своих господ и отправлялись за ними. Нередко похищение женщин происходило во время проезда воинских людей через поместья и деревни. Некоторые дела так и озаглавлены: «о побеге такой-то вдовы или замужней или девицы с поля с таким то или

неизвестным лицом». Закон Царя Василия имел в виду ограничить это невыгодное для помещиков явление местной жизни.

Третий закон 1607 года касается холопства. «Если кто послужит в холопстве полгода и больше, а сам не родился в холопстве и не захочет давать на себя кабалы, того в неволю не отдавать». Но в 1609 году бояре отменили эту статью и восстановили закон Федора Иоанновича, по которому холоп, прослуживший полгода и больше, прикрепляется окончательно. Отказано было в просьбе тем дворянам и детям боярским, которые, подвергшись опале при Лжедмитрии, хотели повернуть к себе назад холопов, отпущенных на волю вследствие опалы.

В настоящих строках нам предстоит коснуться жизни и деятельности Дворянства Курского края в эпоху междуцарствия – 1610-1612 года. Прежде всего упомянем о том, что в августе 1610 года в городах Курского края были получены из Москвы грамоты, в которых было сказано: «Видя междоусобие между православными христианами, польские и литовские люди пришли в землю Московского Государства и многую кровь пролили, церкви и монастыри разорили, святыне поругались и хотят православную веру в латинство превратить; Польский король стоит под Смоленском, гетман Жолкевский – в Можайске, а вор – в Коломенском, литовские люди по ссылке Жолкевским, хотят Государством Московским завладеть, православную веру разорить, а свою латинскую ввести. И мы, поговоря между собою и услыша *от всяких людей украинских городов*, что Государя, Царя Василия Ивановича на Московском государстве не любят, к нему не обращаются и служить ему не хотят, кровь христианская междоусобная льется многое время, встал отец на сына и сын на отца, друг на друга, – видя всякие люди Московскому Государству такое конечное разорение, били челом ему, Государю, всею землею, чтобы он Государство оставил для междоусобные брани, и для того: которые люди, боясь от него опалы, и его не любя к нему и ко всему Московскому Государству не обращаются – те бы все были в соединеньи и стояли бы за православную христианскую веру за одно. И Государь Государство оставил, съехал на свой старый двор и теперь в чернецах; а мы целовали крест на том, что нам всем против воров стоять всем Государством за одно и вора на Государство не хотеть. И вам бы всем всяким людям стоять с нами заодно и быть в соединеньи, чтобы наша православная вера не разорилась, и матери бы наши, жены и дети в латинской вере не были».

Эта грамота имеет важное значение для истории Курского края, так как из нее ясно видно, что московские бояре пришли к известному решению *выслушав всяких людей украинских городов*, т.е., конечно, прежде всего лиц военно-служилого дворянского сословия, которые, как видно из грамоты, были недовольны Василием Шуйским. Нет никакого сомнения в том, что Смутное время царствования Шуйского особенно тяжело отзывалось на украинских городах Московского Государства и

поместном дворянском сословии. Об этом единогласно свидетельствуют все русские историки.

Нападения Литовцев, разных гулящих людей, татар – все это доводило благодатный по своему плодородию Курско-Белгородский край до разорения, нестерпимого для всех, в том числе дворян и детей боярских. И действительно, как мы знаем из истории, военно-служилое сословие этого края сочувственно отозвалось на боярскую грамоту. Не могла жалеть о низложении Шуйского Курская область, когда, как мы видели, против него восставали ее города, например, Белгород. Но не могла она и оставаться безучастною к предстоявшему тогда устройству Русской земли.

Когда после убийства Лжедмитрия II уже на надо было бояться этого самозванца, то многим Русским людям можно было действовать свободнее. Московские бояре, как мы видим, засвидетельствовали о том, что они в своем решении руководствовались преимущественно мнением и политическими взглядами украинских городов и, разумеется, которые стояли во главе оседлого населения, желавшего водворения мира, спокойствия и правопорядка как на своей родине, так и во всей России. И действительно военно-служилое сословие Белгорода, Курска, Путивля, Рыльска, Севска, Мценска и других городов должно было в то время представлять крупную политическую силу вследствие своей организованности в одно целое, привычке к дисциплине и устойчивости в традиционной службе на защиту Отечества и его важнейших границ. И действительно, лишь только в России стало проявляться желание народа устроить и обеспечить государственный и общественный порядок, как все города Курского края начали вести энергическую борьбу со врагами Отечества и не смотря на много бед, которые пришлось перенести Курско-Белгородскому краю, он постепенно и неуклонно шел к великой цели восстановления правильной и закономерной политической жизни родины.

Дух бодрости все более начал охватывать Русских людей, и они мало-помалу становились на тот истинный путь, чтобы идти за теми, которые хотели избрать Царя из Русских бояр и имели твердое намерение предложить Московский престол юному Михаилу Федоровичу Романову.

Когда польский вельможа Сапега, – говорит С.М. Соловьев, – писал в Кострому, уговаривая жителей ее признать опять царем Владислава, то он высказался так: – «Знаете вы польских и литовских людей мочь и силу: кому с ними биться?» Но *бойцов*, – продолжает С.М. Соловьев, – *нашлось много*: они шли из земли *Северской*, к которой относились Путивль и Рыльск, Муромской, Рязанской, Низовой и др. под предводительством людей незначительных, но за то вполне преданных Отечеству. Когда Русские люди под предводительством князя Пожарского и других полководцев приступили к освобождению Москвы

от поляков, то в это время для выполнения этой задачи со всех сторон России к Москве устремились служилые люди, и им в значительной степени обязано было Московское Государство своим освобождением.

В Путивле в это время была получена призывная грамота Пожарского, в которой он обратился к Путивлянам следующим образом:

«В Путивль архимандритом и игуменом и протопопом и всему освященному собору и Государевым воеводам и дворяном и детем боярским и стрельцом и козаком и гостиным и всяким жилецким и уездным людем.

Московского Государства бояре и воеводы и по избранию всех чинов людей у ратных и земских дел стольник и воевода Дмитрий Пожарский с товарищи, и чашники и стольники и дворяне большие и стряпчие и приказные люди и жильцы и дворяне и дети боярские всех городов и головы стрелецкие и козаки и стрельцы, князья и мурзы и Татарове и всех городов служилые люди и гости и торговые и всякие жилецкие люди челом бьют о поручении ему, князю Пожарскому Нижегородского ополчения для освобождения Москвы от Поляков и для избрания Государя, о присылке к нему ратных людей, денег и выборных от всякого звания людей для совета с ними».

На этот призыв в число других городов Русского Государства с готовностью отозвались Путивльцы и весь Курский край.

Какое же значение имело дворянское сословие в Смутное время? – спрашивает один из историков Русского Дворянства М.Т. Яблочков и отвечает на этот вопрос следующим образом¹¹²:

– В Смутное время проявилась вся разумная сила дворянского сословия. Оно постоянно оставалось элементом монархическим, постоянно стояло за государственный порядок. Несколько дворян было в войске Болотникова, в стане Тушинского вора, на стороне Сигизмунда, но это были исключения, дворянское сословие оставалось врагом всего противообщественного. Если дворяне и перешли на сторону Димитрия, то считая его спасенным сыном Иоанна Грозного. Убеждение это было искреннее, пример тому Басманов, который долго сопротивлялся Самозванцу, потом первый перешел на его сторону и положил за него жизнь. Путивльский воевода Михаил Глебович Салтыков встретил в Путивле полки Димитрия Самозванца огненным боем с крепостных стен, между тем как при осаде города Кром Салтыков, очевидно, признав Димитрия спасенным Царевичем, велел отвести наряд (т.е. жерла орудий) от крепости.

Изучая историю Смутной эпохи, мы видим, что во всех действиях руководящим элементом является дворянское сословие. Бояре, составлявшие Думу, имея власть в своих руках, не обратили ее в свою

пользу или в пользу дворянского сословия. Служба для дворян и детей боярских по-прежнему была обязательной. Несмотря на разнообразные смуты, дворяне и дети боярские Белгородско-Курского края продолжали нести полковую, городовую и даже сторожевую службу. Конечно, в этой службе были перерывы и неурядицы, но принцип ее был настолько неприкосновен, что при первых проблесках восстановления порядка все неурядицы исчезали и заменялись прежним строем Государевой службы. Боярская дума назначила дворянам явиться на службу 29 мая 1611 года, у тех же, кто почему-либо не явился, были отняты поместья.

В предшествующее время в поместной системе произошла большая путаница. Поместья раздавались и в Москве и в Тушине и в Калуге, то Московским Царем, то самозванцем, то Сигизмундом, то Владиславом. Для водворения порядка в этом деле Боярская Дума 30 июня 1611 года постановила: «поместья и вотчины, розданные без земского приговора, отобрать назад и раздать поместные и вотчинные земли беспоместным и разоренным детям боярским». По этому приговору, как это впоследствии обнаружилось в царствование Государя Михаила Федоровича, получили поместья многие дети боярские в Курско-Белгородском крае. Поместья, данные на имя короля или королевича, приговором Боярской Думы велено было отобрать, но не отбирать у тех дворян, у которых кроме них нет других поместий и дач. *Не отнимать поместий у жен и детей умерших и побитых дворян.* Если дворяне и дети боярские, не приехав на службу до 29 мая, приедут и будут бить челом, что они не являлись по бедности, о таких сделать обыск, и если окажется, что они сказали правду, то поместья им возвратить. Велеть испоместить прежде всего дворян и детей боярских бедных, разоренных, беспоместных и малопоместных. Поместья были признаны Боярской Думой как бы собственностью родов служилых людей, и пока в роде были люди, способные к службе, род мог владеть поместьем. Боярская Дума постановила еще, чтобы поместья, перешедшие в Смутное время в чужой род, были возвращены роду прежнего владельца, чтобы после смерти отца переходило к сыну все поместье, а не часть его.

В виду громадной гибели в Смутное время отцов семейств дворян и детей боярских Белгородско-Курского края, в нем более всего нашла себе применение статья приговора о неотнятии поместий у жен и детей убитых и умерших их мужей в кровавых боях того времени.